

УДК 323/324(470+571)''2011/2012'':316

Л. Г. Бызов

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЦИКЛ 2011-2012 ГОДОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦЕННОСТНЫХ
И ИДЕЙНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОБЩЕСТВА (ЧАСТЬ I)

*БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются причины обострения политической ситуации в стране в период избирательного цикла 2011-12 гг. Используя оригинальную типологию, сочетающую идеологический вектор и отношение к власти, автор описывает содержательные характеристики групп общества, за счет которых произошел всплеск протестной активности, а также «недобор» голосов «партией власти» во время парламентских выборов. Показывается, что обострение произошло на фоне сохраняющейся общей стабильности ценностных и идейных ориентаций общества за счет поляризации ряда групп, ранее вписывавшихся в общий ценностный консенсус путинской эпохи. В статье отмечается тренд на общее полевение протестного движения, увеличение в нем лево-демократической составляющей за счет либеральной, появление нового поколения лидеров протестной уличной активности. Как итог событий «протестной зимы», делается прогноз о дальнейшей эволюции партийно-политической системы, появления в ней новых политических сил и идейных направлений.

Ключевые слова: идейно-политические ориентации, ценности, либералы, консерваторы, националисты, консенсус, протестная активность, партийная система, ценностная поляризация

От избирательной кампании 2011 г. изначально не ожидалось особых сенсаций. За предшествующий период в стране не появилось новых значимых политических сил, способных составить конкуренцию не только «партии власти» в лице единороссов, но и их партнерам по работе в Государственной думе. Тем не менее произошли события, требующие социологического объяснения, – «Единая Россия» набрала голосов существенно меньше, чем обещали прогнозы, протестная активность сразу после выборов не только выросла, но и обрела новое политическое качество, а казавшееся монолитным «путинское большинство» дало трещину. Прошедший после выборов год не подтвердил наиболее алармистских прогнозов о необратимом закате политического режима, но и проблемы, выявившиеся в конце 2011 г., тоже не «рассосались» сами собой. По «горячим следам» социологами и журналистами было выдвинуто немало гипотез, призванных объяснить, что же все-таки произошло, в том числе следующие:

- 1 В настроениях россиян наблюдается глубокий ценностный сдвиг, связанный с адаптивными процессами в верхней части общества, приведшими к росту протестных настроений со стороны либеральных сегментов общества, для

которых условия «путинского консенсуса» уже стали неприемлемыми. Можно говорить о своего рода «восстании» городского среднего класса.

2. Произошла глубокая поляризация общества, возникли «две России» - городская, либеральная, ориентированная на западные политические ценности, и консервативная, архаичная, ориентированная на традиционалистские политические ценности.
3. «Партия власти», утратив поддержку либеральных сегментов общества, стала выразителем интересов и ценностей консервативного большинства, носителем идеологии политической реакции.
4. Социальная база протестных настроений выросла за счет подключения к ней ряда «новых левых» и «новых националистов». Эти силы в ближайшее время способны существенно потеснить парламентские партии.
5. В целом нынешнее «партийное меню» не способно представлять изменившиеся настроения и ценности россиян, а начавшаяся реформа партийно-политической системы в относительно короткое время приведет к политическому оформлению новых крупных партийных проектов.
6. Политический режим в целом, связанный с именем В. Путина, вступил в фазу необратимой деградации, и его уход с политической сцены, мирный или насильственный, - дело самого недалекого будущего.

Как показал анализ данных электоральной панели¹, все эти гипотезы зачастую отражают поверхностный слой происходящих процессов. Реальная картина намного более размытая и неоднозначная. Отсюда – несостоятельность многих прогнозов, предсказавших линейное восходящее развитие процессов в послевыборный период. Перемены, безусловно, происходят, однако они скорее касаются некоторых деталей и акцентов, чем радикально меняют привычную с «нулевых годов» социально-политическую карту. Политическая стабильность в 2000-2008 гг. базировалась на сложившемся в обществе ценностном балансе, в рамках которого идея сильного государства, сочетающего в себе либеральные черты (рынок, свобода частной жизни) с социал-консервативными (государственный патронаж основных секторов экономики, социальные гарантии, архаичная политическая система), объединяла наиболее значимые группы общества, отсекая недовольных радикалов на фланги, где они не представляли угрозы для системы власти. Центральная власть во главе с В. Путиным, имея значительное «ядро» поддержки, располагала и возможностью ее многократного расширения за счет тех, кто воспринимал власть как наименьшее или приемлемое зло, своего рода исторический компромисс. Однако к началу избирательного цикла эта устоявшаяся система начала давать сбои, вылившиеся в массовые протесты, а потом радикализацию и поляризацию общества. Среди причин можно выделить как долгосрочные тренды, так и конъюнктурные, чисто политические. Страна, пережившая экономический кризис, не приведший по сути ни к каким политическим последствиям, оказалась к началу цикла на пороге завершения одной политической эпохи и начала другой, с другими политическими парадигмами и механизмами поисков политического баланса. Накопились сразу несколько важных факторов, приведших общество в новое социально-

¹ В основе статьи лежат данные специального общероссийского панельного исследования ВЦИОМ, волны которого совпадали по времени с основными этапами кампаний по выборам в Госдуму 2011 г. и выборам Президента России 2012 г. Исследование проводилось в 7 этапов (включая этап рекрутинга) с октября 2011 года по март 2012 года. Опрошено 1787 респондентов в 43 субъектах федерации, статистическая погрешность не превышает 3,4%. Опросы проведены по месту жительства респондентов методом личных интервью и по телефону (более подробно об исследовании «Электоральная панель» см <http://politpanel.wciom.ru>).

политическое состояние. Это приход в политическую жизнь нового поколения молодежи, «детей нулевых», не переживших революционных событий двадцатилетней давности. Это активное формирование так называемого «креативного класса», верхушки среднего класса, способного обойтись без поддержки государства и психологически независимого от него. Это моральная усталость от политического застоя, мельтешения одних и тех же лиц, произносящих одни и те же слова. И, наконец, это возникший в результате четырех лет «танDEMократии» кризис власти, выразившийся в расколе элит, значительная часть которых, сделавшая ставку на Д. Медведева, оказалась психологически неготовой принять «рокировку», произошедшую в сентябре 2011 г. на съезде «Единой России». В совокупности эти факторы вызвали небольшое политическое землетрясение в декабре 2011 г., отголоски которого продолжают ощущаться и по сей день. Недолгое президентство Д. Медведева породило у ряда влиятельных групп «системных либералов», до поры лояльных путинскому режиму, планы на более самостоятельную роль в политике и экономике, в том числе вытеснение генерации «путинских силовиков» с наиболее привлекательных позиций (в первую очередь контроль над нефтегазовым сектором и другими естественными монополиями и госкорпорациями). «Рокировка» для небольшой части российского общества означала крушение надежд на эволюционное изменение режима. Для части элиты, рассчитывающей на такой сценарий, рокировка означала несостоятельность стратегии, направленной на упрочение собственного положения, постепенное увеличение влияния на формирование государственной политики. Любой результат выборов, означающий победу кандидатов от власти, автоматически оказывался неприемлем. Частично сами, частично с помощью уличной оппозиции и ряда влиятельных СМИ, блогосферы они спровоцировали своего рода «бунт», который не привел к конкретным политическим результатам, но существенно подорвал легитимность путинского политического режима, особенно его парламентского фасада, разрушил внутриэлитный баланс сил, и, как следствие, привел к поляризации общества, заставившей вспомнить первую половину 90-х годов.

Из гаранта элитного и идеологического баланса В. Путин превратился в лидера одной, пусть на сегодняшний день и самой влиятельной и многочисленной группировки. Потеряв не столь уж значительную часть электоральной поддержки, он утратил каналы влияния на ряд важных в структуре общего баланса групп. Попытка выстроить новый баланс, найти новую опору обернулась тем, что власть сама стала фактором, обуславливающим гражданское противостояние. Если данные панели в самых первых опросах, выполненных еще до парламентских выборов, никак не демонстрируют какого-либо форс-мажора, то по мере приближения к последним опросам, все более заметно нарастание напряженности и взаимной нетерпимости различных групп избирателей, в том числе некогда идеологически близких друг другу (например, коммунистов и левых демократов; национал-патриотов и новых националистов). Все же окончательного «сжигания мостов» между ними не произошло, особенно в оценке не конъюнктурных политических факторов и событий, а в общих ценностных установках. Представляется, что альтернативы, пусть и модернизированному в соответствии с реалиями времени курсу на медленное, под патронажем государства вхождение в полноценный рынок, реформу и укрепление государственных институтов, сохранение и восстановление базовых принципов социальной справедливости, наведение правового порядка, не появилось. Система основных идейно-политических ценностей осталась стабильной, и ее мало затронула политическая турбулентность периода 2011-12 гг. Ни «левой», ни «либеральной» революций в обозримом будущем не предвидится.

Многим представляется, что «путинское большинство» - это наиболее консервативная часть общества, противостоящая по всем пунктам либералам. Действительно, консервативная (скорее на словах, чем на деле) часть общества пока способна обеспечить

арифметическое большинство, но является ли это большинство собственно путинским? Главным политическим козырем В. Путина, определявшим его незаменимость, безальтернативность, была опора не на консерваторов, а на ценностный синтез между умеренными консерваторами и умеренными либералами вокруг ценности сильного государства. В социальном плане – это не столько средний класс, сколько многочисленные «срединные слои» общества, немного ниже городского среднего класса. Данные показывают, что за последний год этот союз в центре политического спектра сильно поколеблен за счет отхода значительной части вчерашних умеренных либералов.

Будет распад вчерашнего ценностного консенсуса усугубляться, или удастся его восстановить, пока говорить рано, возможны оба варианта. Однако представляется, что если сам В. Путин не сможет восстановить контроль над своим вчерашним большинством, потребуются другая, более современная и компромиссная фигура, которая сможет это сделать. Действия властей показывают, что путинский режим ощущает себя не слишком уверенно в условиях распада прежнего баланса и пытается выстроить новый. В любом случае ценностные предпосылки для воссоздания идеологического баланса сохраняются, а поляризация образца весны-лета 2012 г. во многом носит искусственный характер, так как касается не столько жизненных, сколько парадных, символических ценностей.

Идейно-политические противоречия и их роль в процессе выборов

Идейно-политическое размежевание в российском обществе в предыдущие годы находилось как бы в «спящем», неактуализированном состоянии. По данным ИС РАН и ВЦИОМ, противостояние идеологических полюсов по своей силе значительно уступает противостоянию «богатых» и «бедных», «чиновников» и «обычных граждан», «жителей мегаполисов» и «жителей провинциальных городов», населения различных регионов страны, молодежью и старшим поколением. Лишь 5% опрошенных ИС РАН считали в 2012 г. острыми противоречия между людьми разных политических убеждений. Аналогичные цифры содержатся и в результатах исследований ВЦИОМ. Например, по данным общероссийского опроса «Экспресс» 2010 г., противоречия между людьми различных политических убеждений в качестве наиболее острых назвали 7% опрошенных, эта позиция набрала меньше всего голосов (самый популярный ответ: «между богатой и бедной частями общества» - 45%). Это обстоятельство вступает в противоречие с картиной двух полярных России, смотрящих в разные стороны как двуглавый орел с российского герба.

Парламентские выборы-2011 стали катализатором для пробуждения противостояния, которое, как показалось, не только живо, но и готово в любой момент прорваться наружу, если и не в виде «горячей» гражданской войны, то «холодной» - точно. События весны-лета 2012 г. скорее подтвердили этот диагноз, сразу подхваченный экспертным сообществом.

Завершившийся в России избирательный цикл 2011-2012 гг. во многом носил особый характер в истории России, так как оказался своего рода «гранью политических эпох». Смены эпох цикл формально так и не принес, но породил множество ожиданий как позитивного, так и негативного свойства.

Хотя сами выборы и не принесли слишком больших неожиданностей, они стали началом значительного изменения настроений в обществе, что неизбежно окажет влияние на развитие событий уже в следующем избирательном цикле. Власть во многом потеряла неформальный статус безальтернативной, причем острые дискуссии и идейное противостояние не только коснулись взаимоотношений власти и оппозиции, но затронули и саму власть, переставшую быть монолитной. Административная вертикаль в ее прежнем виде

оказалась не в состоянии поддерживать былое единство и стала подвергаться эрозии, в том числе частичному демонтажу сверху².

Уже за несколько месяцев, отделивших декабрьские выборы от мартовских, ситуация и настроения людей во многом изменились. Эти перемены в первую очередь были связаны с сегментацией протестной активности, при которой разнонаправленные в идейном и ценностном отношении протесты левых, либералов и националистов во многом «погасили» друг друга, на чем умело сыграла власть. Впрочем, относительный успех власти, сумевшей если и не обратить вспять, то приостановить опасную для нее динамику настроений, связан не только с умелой политехнологией по старому как мир принципу «разделяй и властвуй». Именно через призму этой тактики, вероятно, и следует рассматривать последовавшие после выборов события, приведшие многих наблюдателей в недоумение, в частности, во многом искусственно раздутый скандал вокруг суда над группой «Pussy Riot». Руководство РПЦ явно переоценило перспективы своего союза с властью на основе консервативной идеологии, проводя свои антилиберальные молебны и выступления. А власть, разведя по разные стороны барьера антиклерикальных либералов и клерикальных догматиков, снова готова занять свое наиболее комфортное место – над идейной схваткой.

Результаты исследования говорят о том, что масштабы перемен в настроениях общества, в частности, роста протестных настроений, вовлеченности в них активной части городского среднего класса, стремлении к переменам «любой ценой» - не стоит переоценивать. В обществе в целом, и в «протестных мегаполисах» в том числе, продолжают преобладать консервативные, конформистские настроения. Согласно данным исследований ИС РАН³ и ВЦИОМ, чуть более 60% россиян продолжают считать, что «страна нуждается в стабильности, это важнее, чем реформы и связанные с ними перемены». Но с другой стороны, наиболее активная часть общества, городской средний класс все в большей степени заинтересованы в переменах, хотя и скорее постепенных, чем радикальных.

Для того чтобы понять принципы работы консенсуса и перспектив его возможного разрушения, необходимо вспомнить, что же стояло за его механизмом, определившим социально-политический вектор России в первое десятилетие нынешнего века. Именно в этот период мы стали свидетелями унификации системы ценностей, в рамках которой вокруг идеи сильного государства, «поднимающегося с колен», произошло идейное сплочение если и не всего общества, то его центральной, средней части. Отсюда – неизменно высокие показатели доверия В. Путину, власти в целом, партии «Единая Россия». Программы большей части партий, участвовавших в выборах, стали почти неразличимыми. А как показали результаты специально проведенного с участием ВЦИОМ в 2008 г. исследования «Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы страны» (авторы Л. Бызов, М. Боков, М. Тарусин), требования «порядка» и «справедливости» доминировали во всех без исключения значимых группах общества, различаясь лишь тем, какая из этих двух ценностей выходит на первое место. Курс властей на сильное государство и постепенное вхождение в рынок стал, по сути, безальтернативным. На чисто политические факторы консенсусной метаидеологии, наложившись факторы, связанные с особенностями российской политической культуры. В ее рамках множественность парадигм часто воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Люди голосуют за «единство», даже наступая на горло собственным взглядам и симпатиям, ориентируются на власть, объединяющую общество,

² В качестве примера можно привести не только восстановление выборности губернаторского корпуса, но и пока не до конца оформленную идею формирования «параллельной партии власти» в лице Народного фронта и дистанцирование В. Путина от «Единой России»

³ Проект «Русская мечта», апрель 2012 г., руководитель М. Горшков.

реализующую общенациональную субъектность. Особенно это касается российской глубинки, для которой поддержание единой власти, несмотря на огромное количество к ней претензий, является зачастую единственно возможной формой своего гражданского участия, формой гражданской идентичности. Тяга к единению сыграла значительную роль в дискредитации политической оппозиции, даже если на уровне заявлений и деклараций она вызывает согласие, общество смирилось и скорее поддержало меры по построению административной вертикали, включая отмену прямых выборов глав субъектов Федерации, одновременно осознавая, что эти меры лишают граждан части их прав на волеизъявление.

В эпоху консенсуса нет и вряд ли возможны серьезные «партии интересов», которые бы в соответствии с требованиями классической политологии отражали и защищали интересы каких-то отдельных групп общества. А когда такие партии появляются, они скорее имитируют свои «социальные» корни и соответствующие им социально-экономические парадигмы (как, например, «Справедливая Россия», призванная, по замыслу ее создателей, консолидировать запрос на социальную справедливость, или «Правое дело», призванное объединить экономически самостоятельную часть населения).

Часто идеологический синкретизм «списывают» на имманентно присущие россиянам глубинные национальные архетипы и, в соответствии с этим, признают «особой чертой», отличающей российскую политическую модель от европейской. На наш взгляд, более обоснована точка зрения, согласно которой в объединении общества вокруг «партии власти» проявилась не «вековая русская соборность». Этот феномен был ситуативно сопряжен с общественно-политической пассивностью, носил во многом формальный характер. «Синкретизм» массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее как часть целого, чем как самостоятельный субъект, вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелании и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм. Эту синкретичную идеологию, соединяющую в себе элементы как традиционно правого, так и левого, можно охарактеризовать как «метаидеологию». Внешняя эклектичность «метаидеологии» заставляла многих видных исследователей российского общества вообще отказать ей в праве на существование. На уровне массового сознания они видели в ней только «кашу в головах», а на уровне политики – только популизм, стремление подыграть массовым настроениям и ничего не делать, ничего не менять.

Однако нельзя не признать и того, что эклектичная метаидеология вполне устраивала и в определенной степени продолжает устраивать большую часть общества. Идеи сильного суверенного государства, социальной справедливости, эффективной рыночной экономики, национального достоинства и одновременно поиск «порядка», идеология государственного патриотизма в той или иной форме разделяются даже городскими либералами.

Всю эту картину мы наблюдаем уже без малого полтора десятилетия. Анализ данных электоральной панели ВЦИОМ, осуществленной во время избирательного цикла 2011-2012 гг., показывает, что структура идеологических предпочтений россиян многие годы остается практически неизменной. Небольшой рост числа проголосовавших за КПРФ является скорее результатом протестной тактики части избирателей, чем сменой ценностных парадигм. Пожалуй, можно отметить как статистически значимые тенденции лишь некоторое усиление политизации общественного мнения, проявившееся в сокращении неопределившихся и равнодушных избирателей, а также рост электоральной базы радикальных националистов, особенно среди молодежи, хотя их общая численность все еще недостаточно велика, чтобы говорить о них как сформировавшейся политической силе.

Как показали результаты исследования, внутри каждого сегмента идейно-политического спектра происходят «внутривидовые» подвижки, связанные с радикализацией и переходом в оппозицию еще вчера лояльных или равнодушных избирателей, появлением новых идеологических оттенков и течений. В частности, все сильнее расходятся между собой «старые» националисты (патриоты, государственники) и «новые» националисты, сторонники русского государства, наблюдается рост лево-демократических настроений в либеральном сегменте спектра, а также нарастающий раскол среди левых – консервативно-государственнической КПРФ и более активными и современными левыми группировками, имеющими большее сходство с европейскими левыми силами.

Либералы, «городские новороссы», продолжают оставаться в меньшинстве, составляя не более 20-25% от всего населения России. А «консервативное большинство», которое лидеры демократического движения в свое время заклеили как «агрессивно-послушное», продолжает удерживать численность своих сторонников на уровне, превышающем 60% от общего числа взрослых россиян. Именно соотношение последних цифр и обосновывает утверждение о «двух непримиримых Россиях» – городской, прозападной и провинциальной, коренной, сохранившей верность русским традициям.

Как следует из данных первого опроса панели еще до декабрьских выборов 2011 г. в целом структура идейно-политических предпочтений оставалась достаточно стабильной. Относительно радикальный фланг левой части спектра был представлен примерно 14% сторонниками коммунистов (в последнем докризисном году эта цифра составляла также 14%). Другие – некоммунистические – «левые», в том числе социалисты, сторонники сильного социально ориентированного государства, по большей части «патриоты-державники», в общей сложности имели немногим менее 30% сторонников (в 2008 г. эти силы набирали немного меньше – 26-27%).

Кризисные годы, включая политическое оживление прошлой зимы 2011-2012 г. и весны 2012 г., на несколько процентов увеличили долю «державников» и в некоторой степени их радикализировали за счет небольшого увеличения поддержки их наиболее воинственного крыла. Однако все это очень небольшие перемены, практически укладывающиеся в статистическую погрешность данных, которые не дают оснований утверждать о существенном поведении общества.

Не произошло явных сдвигов и на либеральном фланге. Так, на уровне 13-14% остается доля тех, кто на первое место ставит политические и экономические свободы, среди них около 11-12%, т. е. относительное большинство, составляют сторонники общедемократических, правозащитных ценностей, это скорее «левые либералы», как мы их определили ранее, а чуть более 3% – «правые либералы», сторонники свободного развития бизнеса и рынка, сокращения вмешательства государства в экономику. Последняя группа, весьма активная в информационном пространстве, продолжает оставаться крайне малочисленной в масштабах всего общества. Либералы составляют ядро протестного движения, характерного для столичных мегаполисов с их пресловутым «креативным классом». В 2008 г. объем поддержки этих групп составлял примерно 13% и 2%, соответственно, т. е. в сумме давал 15%. Это означает, что никакого «либерального поворота» в обществе не произошло.

Ну, и наконец, расположенные в политическом центре правые государственники, сторонники сочетания сильного государства и рыночной экономики, тоже несколько снизили свою поддержку – с 19% до 17%, что также вписывается в случайную погрешность. Следует отметить и некоторый рост поддержки радикальных русских националистов, выступающих не с державнических позиций, а ориентированных на борьбу с наплывом в Россию мигрантов – с 4% до 5%. Националисты продолжают как политическая сила оставаться маргинальными, при

значительном распространении стихийных националистических настроений (свыше 45% россиян с теми или иными оговорками готовы поддержать лозунг «Россия для русских»⁴ при безусловной поддержке этого лозунга всего 9-10% опрошенных и 4-5% готовых голосовать за те политические силы, которые выдвигают этот лозунг в качестве приоритетного). Как показал опыт «протестной зимы», радикальные националисты продолжают искать свое место в протестном движении, как в либеральном, так и в антилиберальном. Получается несколько парадоксальный результат – все основные политические течения за последние 4 года практически сохранили свою поддержку на прежнем уровне, однако в общем балансе сил существенно возросли роль и влияние политических флангов, тогда как ранее подобная роль отводилась политическому центру.

Общепринятые доктринальные течения практически перестают восприниматься современными россиянами, ищущими разного рода идеологического синтеза, включающего в себе как отношение к национально-государственной проблематике, так и к социальному строю. Устойчивость получаемых результатов свидетельствует, на наш взгляд, о том, что данная типология, как говорится, успешно работает и воспринимается опрашиваемыми как нечто более естественное, чем самоидентификация себя с «правыми», «левыми» и т.д.

В целом же можно констатировать, что ничего экстраординарного в России не происходит. Нет никаких явных признаков революционной ситуации или хотя бы острого политического кризиса. Процесс роста политической турбулентности, общественного «разогрева», наметившийся в последние полгода, пока охватил лишь отдельные общественные слои, и, как показывают результаты панельного исследования, страна в целом продолжает находиться в состоянии политического сна, хотя признаки возможного скорого пробуждения тоже налицо. Избирательная кампания 2011-2012 гг. не принесла существенных перемен в структуру идейно-политических предпочтений россиян, но обогатила привычную картину рядом новых нюансов и акцентов. Зато углубляется идейный раскол внутри «старых» электоральных ниш – либералов, националистов, левых, при сохранении общего баланса между самим этими нишами.

⁴ По данным ранее упомянутого исследования «Русская мечта», апрель 2012 г.